

«САХЕЛЬСКАЯ ТРОЙКА» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ТУРЦИИ: ОСНОВНЫЕ ДИСКУРСЫ, ИНСТРУМЕНТЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Дамир ИСЛАМОВ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация: В начале 2020-х гг. страны «Сахельской тройки» (Мали, Буркина-Фасо, Нигер) охватила череда военных переворотов, в результате которых к власти пришли группы элит, использовавшие в том числе антизападные нарративы. Эти события создали возможность для незападных акторов расширить свое влияние в Сахеле, чем активно стремится воспользоваться Турецкая Республика. Активное вовлечение Анкары в африканские дела началось еще в 2000-х гг., когда Турция инициировала платформу дипломатического взаимодействия в формате саммитов «Турция–Африка». Более пристальный интерес к региону Сахеля Турция начала проявлять в 2010-е гг., формируя нормативно-правовую базу для дальнейшего сотрудничества, что станет стартовой площадкой для более углубленного вовлечения в регион в начале 2020-х гг. На протяжении 2010-х гг. Турция делала акцент преимущественно на инструментах публичной дипломатии и развитии торгово-экономических связей, частично поддерживая проекты, инициированные западными державами, как, например, «Сахельская группа пяти» (*G5 Sahel*). Параллельно Анкара продвигала антиколониальный дискурс в отношении африканских государств, акцентируя внимание на том, что, в отличие от европейских держав, Османская империя не занималась колониальной эксплуатацией континента. Уже в конце 2010-х – начале 2020-х гг. Анкара постепенно начала позиционировать себя в качестве самостоятельного игрока, который может являться альтернативным гарантом безопасности в Сахельском регионе путем поставок собственной военной продукции, продвижения военно-технической и научной кооперации, а также подготовки местных военнослужащих. Наиболее тесные отношения в Сахеле Турция выстраивает с Нигером, за которым следуют Мали и Буркина-Фасо. За последние годы Турция выстроила свою модель внешнеполитического присутствия в Африке, которая также актуальна и для стран Сахеля. Настоящее исследование направлено на рассмотрение внешнеполитического курса Турции в отношении Нигера, Мали и Буркина-Фасо через призму основных дискурсов, которые Анкара продвигает на континенте. Наряду с этим уделяется внимание основным приоритетам и вызовам, с которыми Турция может столкнуться в процессе взаимодействия со странами «Сахельской тройки».

Исламов Дамир Римович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра средиземно-морских исследований факультета мировой экономики и мировой политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

ORCID 0000-0003-1338-3277. E-mail: dam1948@yandex.ru
119017, Москва, ул. М. Ордынка, д. 17.

Поступила в редакцию: 28.03.2025

Принята к публикации: 10.06.2025

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Ключевые слова: Турция, Сахель, Мали, Буркина-Фасо, Нигер, Сахельская тройка, Конфедерация государств Сахеля, ЭКОВАС, безопасность

Произошедшие в начале 2020-х гг. военные перевороты в «Сахельской тройке» – Мали, Буркина-Фасо и Нигере, а также антизападные, в особенности антифранцузские, настроения и заявления создали окно возможностей для усиления в регионе Сахеля влияния незападных акторов, включая Турцию. Пользуясь определенным внешнеполитическим вакуумом, Турция еще более активизировала свою деятельность в отношении сахельских государств. В то же самое время нельзя сказать, что турецкое проникновение в Африку и, в частности, в Сахельский регион является одномоментным, поскольку оно опирается на накопленный с 2000-х гг. внешнеполитический опыт.

С начала XXI века Турция последовательно наращивала интерес к африканскому направлению своей внешней политики. Знаковым моментом стал 2005 г., когда турецкое руководство объявило о проведении в Турции «Года Африки», что символизировало стремление Анкары к расширению сотрудничества не только с государствами Северной Африки, но и со странами к югу от Сахары (Алексанян, 2023: 69–71). В 2008, 2014, 2021 гг. были проведены три саммита «Турция-Африка», которые стали внешнеполитической платформой для практического взаимодействия с африканскими государствами. Кроме того, Р. Эрдоган в должности как премьер-министра, так и президента совершил более 50 официальных визитов в 30 африканских государств, предпочитая осуществлять трех-четырехдневные турне по разным странам континента¹. Эти шаги привели к существенному расширению дипломатического присутствия: примерно за четверть века число турецких посольств в Африке выросло с 12 до 44, а африканских представительств в Турции – с 10 до 38².

В российской и зарубежной научной литературе достаточно основательно исследована африканская политика Турции в первой четверти XXI в. Большая часть работ посвящена активизации внешней политики Анкары в отношении континента в период правления Партии справедливости и развития (ПСР), когда турецкое руководство начало предпринимать шаги по выстраиванию отношений как со странами Северной, так и Субсахарской Африки. Отечественные исследователи преимущественно рассматривали внешнюю политику Турции в Африке через призму политических, экономических и гуманитарных аспектов, выделяя тенденции и стратегии в отношении стран

¹ *Daily Sabah* (2023) Erdoğan touts Türkiye's ever-growing engagement with Africa. 13 October. Available at: <https://www.dailysabah.com/business/economy/erdogan-touts-turkiyes-ever-growing-engagement-with-africa> (accessed 13 February 2025).

² *Ministry of Foreign Affairs of Türkiye* (2024) Türkiye-Africa relations. Available at: <https://www.mfa.gov.tr/turkiye-afrika-relations.en.mfa> (accessed 13 February 2025).

континента (Аватков & Томилова, 2013; Костелянец, 2016; Ягья & Колесникова, 2018; Свистунова, 2018; Алексанян, 2023, Колесникова, 2024). В свою очередь зарубежные авторы фокусировались на вопросах безопасности, продвижения концепции «мягкой силы» и экономических интересов (Donelli, 2018; Siradağ, 2018; Dahir, 2021; Karaoğuz & Gürbüz, 2021; Besenyo, 2021; Tepeciklioğlu, Vreÿ & Baser, 2024; Demirtaş & Piriñçi, 2024).

Однако вопросу турецкого присутствия в Сахеле в научной литературе уделяется ограниченное внимание. В этой связи интересной представляется статья А.Б. Мустафы, в которой автор указывает на то, что созданная в 2024 г. Конфедерация государств Сахеля (Нигер, Мали, Буркина-Фасо) может сформировать более стабильную региональную среду для сотрудничества, что повысит эффективность турецких инициатив и форматы стратегического взаимодействия (Mustapha, 2024). Кроме того, Ф. Донелли и Б. Дж. Кэннон отмечают, что в период правления ПСР Турция разработала многовекторную внешнюю политику в Сахеле, которая включает государственные инициативы, предпринимательскую деятельность и гуманитарные усилия гражданского общества (Donelli & Cannon, 2025). В свою очередь, И. Каназое и Б. Озорал указывали, что растущее присутствие Турции в Сахеле дает возможность странам региона ослабить экономическую зависимость от бывших колониальных держав и международных финансовых институтов (Kanazoe & Ozoral, 2022). Среди отечественных авторов следует выделить работы А.М. Наджарова и Е.Г. Энтиной, в которых частично рассмотрен процесс активизации внешнеполитической активности незападных акторов, прежде всего России и Турции, в регионе Сахеля (Наджаров & Энтина, 2023; Nadzharov & Entina, 2023).

В рамках своего внешнеполитического присутствия в Сахеле Анкара транслирует ряд дискурсов, которые она продвигает в отношении африканского континента в целом. Первый из них касается отсутствия у Турции колониального прошлого в Африке. Второй дискурс постулирует продвижение модели взаимовыгодного сотрудничества «win-win» в отношениях с африканскими странами. Третий дискурс формирует образ Анкары как надежного партнера в сфере безопасности и борьбы с терроризмом. Четвертый, частично перекликаясь с предыдущим, содержит утверждение о том, что Турция представляет собой не только альтернативного поставщика безопасности, но и актора, способного посредством военного присутствия способствовать укреплению суверенитета и территориальной целостности африканских государств.

Настоящее исследование направлено на рассмотрение внешнеполитического курса Турции в отношении Нигера, Мали и Буркина-Фасо через призму основных турецких дискурсов, продвигаемых в Африке, с выделением ключевых приоритетов и вызовов, с которыми Анкара может столкнуться в дальнейшем взаимодействии со странами «Сахельской тройки».

С методологической точки зрения работа опирается на теорию критической геополитики (Дж. О'Тоал, С. Далби, Дж. Эгню), в рамках которой выделяются три основных типа дискурса, что представляется релевантным для целей данного исследования (Энтина & Пророкович, 2022: 95). Первый из них – формальный, конструируемый академическим сообществом и аналитическими центрами; второй – практический, артикулируемый государственными, политическими и военными деятелями; третий – популярный, распространяемый через СМИ и массовую культуру и способствующий формированию определенных стереотипов в обществе. Опираясь на это, выявлены ключевые дискурсы, используемые Турцией во внешней политике в Африке, в том числе в Сахеле.

Политика Турции в отношении «Сахельской тройки» в 2010-е гг.

Начало более активного внешнеполитического продвижения Турции в регионе Сахеля относится к 2010-м гг. Во-первых, в этот период наблюдается институционализация двусторонних дипломатических отношений: турецкое посольство в столице Нигера Ниамее открылось в январе 2012 г., а посольство Нигера в Анкаре – в сентябре того же года. В Мали турецкое посольство начало работу в феврале 2010 г., а малийский посол приступил к обязанностям в Анкаре в июне 2014 г. С Буркина-Фасо сотрудничество активизировалось после взаимного открытия посольств – турецкого в столице страны Уагадугу в 2012 г. и буркинийского в Анкаре в 2014 г.³ Параллельно с этим в страны региона начали проникать институты турецкой публичной дипломатии, такие как Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (ТИКА; тур. *TİKA*) и Фонд «Маариф» (тур. *Türkiye Maarif Vakfı*).

Во-вторых, во второй половине 2010-х гг., несмотря на напряженность в турецко-французских отношениях, Анкара поддержала создание в 2014 г. «Сахельской группы пяти» (*G5 Sahel*), в которую входят Мали, Буркина-Фасо, Нигер, Чад и Мавритания. Объединение было создано де-факто по инициативе Парижа и направлено на поддержание системы безопасности и координации борьбы с международным терроризмом. Более того, с 2018 г. Анкара оказывала *G5 Sahel* финансовую помощь⁴. Тем не менее официальная риторика турецких властей сохраняла критическую направленность в адрес западных акторов, обвиняя их в неспособности обеспечить безопасность для стран Сахеля и эффективно бороться с террористическими группировками. Можно предположить, что в 2010-е гг. Анкара еще не была готова выступить в качестве самостоятельного игрока, который может внести свой

³ Ministry of Foreign Affairs of Türkiye (2024) Türkiye-Africa relations. Available at: <https://www.mfa.gov.tr/turkiye-af-rica-relations.en.mfa> (accessed 13 February 2025).

⁴ Gulf News (2021) Turkey announces \$5m for Sahel anti-terrorist force. 5 November. Available at: <https://gulfnews.com/world/mena/turkey-announces-5m-for-sahel-anti-terrorist-force-1.2181246> (accessed 13 February 2025).

вклад в сферу обороны и безопасности, так как на тот момент платформа для сотрудничества между Турцией и странами Сахеля не была проработанной. Вероятно, именно в этой связи Турция решилась оказать финансовую помощь *G5 Sahel*.

В-третьих, значимую роль в развитии турецко-сахельских отношений сыграла личная дипломатия. Турецкий президент лично посетил Нигер в 2013 г. и Мали в 2018 г. В ответ с визитами в Анкару выступили лидеры сахельских государств – президенты Нигера М. Иссуфу (2011–2021) и М. Базум (2021–2023), Мали – И.Б. Кейта (2013–2020), а также Буркина-Фасо – Р. Каборе (2015–2022). Именно в период нахождения у власти этих глав государств Турция заключила значительную долю взаимных соглашений, особенно в области военно-технической и научной кооперации, военной подготовки и образования, оборонной промышленности, безопасности и торгово-экономического сотрудничества (Demirtaş & Pirinççi, 2024: 112).

Однако ввиду того, что руководители сахельских стран в большей степени вели свою политику в фарватере западных акторов (прежде всего Франции), у Турции было ограниченное пространство, чтобы превратиться в полноценного актора в регионе. Значимые турецкие шаги в контексте формирования себя как самостоятельного игрока начались в 2020 г., когда во время визита министра иностранных дел М. Чавушоглу в Ниамей было подписано секретное соглашение о военном сотрудничестве между Турцией и Нигером, что стало вызовом западному влиянию в регионе⁵. Возможности для более активного турецкого вовлечения существенно расширились в результате череды военных переворотов антифранцузской направленности, охвативших Мали, Буркина-Фасо и Нигер в начале 2020-х гг., что также открыло новый этап для турецкого вовлечения в Сахельский регион.

Антиколониальный дискурс во внешней политике Турции в Сахеле

Турция последовательно подчеркивает отсутствие у нее колониального прошлого в Африке и акцентирует, что, в отличие от европейских держав, не была вовлечена в эксплуатацию континента. Стрелы критики колониальной политики направлены в первую очередь в сторону Франции, поскольку именно Париж имел серьезные рычаги влияния в Сахеле. Еще в 2022 г. французский президент Э. Макрон назвал Турцию вместе с Россией и Китаем «*империалистическими державами*». В ответ официальный представитель правящей Партии справедливости и развития (ПСР) О. Челик отметил, что Турция выстраивает свои контакты с африканскими государствами, базируясь

⁵ *Emirates Policy Center* (2020) Turkey's Expansion in the Sahel, the Sahara and West Africa: Motivations and Ramifications. Available at: <https://epc.ae/en/details/featured/turkeys-expansion-in-the-sahel-the-sahara-and-west-africa-motivations-and-ramifications> (accessed 13 February 2025).

на принципах партнерства и равенства, а французский лидер показывает колониальный менталитет, рассматривая африканский континент как собственную сферу влияния⁶.

Следует отметить, что турецкие официальные лица высказывались против африканской политики Франции в Сахеле еще в 2010-е гг. В 2013 г. началась французская антитеррористическая операция «Сервал» в Мали, направленная против туарегов и вооруженных группировок исламистов. Р. Эрдоган раскритиковал данную операцию, заявив, что французы атаковали Мали ввиду наличия у нее больших запасов золота, и Франция эксплуатировала эти запасы в течение многих лет⁷.

В своей речи в 2018 г. турецкий лидер упрекнул США и их союзников, обвинив их в насилии против мирных жителей в Руанде, Мали, Корсике и Ливии⁸. В декабре 2019 г., на фоне забастовок движения «желтых жилетов», Р. Эрдоган заявил, что Франция не способна сосредоточиться на решении внутренних проблем из-за чрезмерной вовлеченности во внешнеполитические дела, и, в очередной раз, поставил под сомнение необходимость продолжающегося французского военного присутствия в Мали⁹. Более того, после военного переворота 2020 г., в результате которого президент Мали И. Б. Кейта был отстранен от должности, одним из первых зарубежных официальных лиц, посетивших страну, стал министр иностранных дел Турции М. Чавушоглу. В ходе визита он встретился с представителями образованного Национального комитета спасения народа¹⁰.

Аналогичная позиция проявилась и в контексте политического кризиса в Нигере в 2023 г., когда в результате переворота был отстранен от власти президент М. Базум, а управление страной перешло к Национальному совету по охране Родины. Ряд стран Экономического сообщества западноафриканских государств (ЭКОВАС) планировали осуществить военную интервенцию в Нигер. В свою очередь, турецкий президент осудил планы ЭКОВАС по военной интервенции, выразив обеспокоенность тем, что подобные действия

⁶ *Daily Sabah* (2022) Türkiye slams Macron over accusation of imperialism in Africa. 8 November. Available at: <https://www.dailysabah.com/politics/diplomacy/turkiye-slams-macron-over-accusation-of-imperialism-in-africa> (accessed 13 February 2025).

⁷ *Haberler* (2013) Erdoğan'dan Fransa'ya Mali tepkisi. 26 March. Available at: <https://www.haberler.com/politika/erdogan-dan-fransa-ya-mali-tepkisi-4279217-haberi/> (accessed 13 February 2025).

⁸ *Haber Durus* (2018) Erdoğan'dan ABD'ye: Sizin kanınızda sivilleri vurmak var. 24 February. Available at: <https://www.haberdurus.com/haber/erdogandan-abdye-sizin-kaninizda-sivilleri-vurmak-var-8515.html> (accessed 13 February 2025).

⁹ Alyanak Ç, Kurukız HŞ, Hongur A, Rakipoğlu Z & Orkan S (2019) Cumhurbaşkanı Erdoğan: Libya'yla anlaşmada Türkiye uluslararası haklarını kullandı. *Anadolu Ajansı*, 9 December. Available at: <https://www.aa.com.tr/tr/libya/cumhurbaşkanı-erdogan-libyayla-anlasmada-turkiye-uluslararası-haklarını-kullandı/1668679> (accessed 13 February 2025).

¹⁰ *Daily Sabah* (2020) Turkey will always stand by people of Mali: FM Çavuşoğlu. 10 September. Available at: <https://www.dailysabah.com/politics/diplomacy/turkey-will-always-stand-by-people-of-mali-fm-cavusoglu> (accessed 13 February 2025).

могут спровоцировать нестабильность в других государствах региона, и подчеркнув, что Турция поддерживает «дружественный и братский» народ Нигера¹¹.

Отсутствие критики военных переворотов в странах Сахеля (максимум – выражение обеспокоенности), а также готовность оперативно выстраивать контакты с пришедшими к власти военно-политическими группами является вполне прагматичным подходом для турецкой стороны. Предположительно, такая стратегия обусловлена предыдущим негативным опытом Анкары в Судане: после свержения в 2019 г. президента Омара аль-Башира и последующего вооруженного конфликта реализация проекта по аренде острова Суакин, планируемого для создания военной базы, была фактически заморожена. Принимая в расчет данный опыт, Анкара стремилась быстро выстраивать связи с новыми властями в сахельских странах, как это было в случае с Нигером, Мали и Буркина-Фасо.

В 2022–2023 гг. Мали, Нигер и Буркина-Фасо вышли из структур *G5 Sahel*; в январе 2024 г. объявили о намерении покинуть ЭКОВАС (формально выход состоялся в январе 2025 г.) и уже в июле учредили Конфедерацию государств Сахеля¹². Эти трансформации не получили официальных комментариев со стороны турецких властей. При этом в аналитических материалах Фонда политических, экономических и социальных исследований (*SETA*), близкого к правящей элите Турции, подчеркивается, что антизападный вектор данного объединения может открыть для Анкары возможности позиционирования себя в качестве альтернативного актора в регионе. В частности, в контексте борьбы с терроризмом – одной из приоритетных задач Конфедерации¹³. Сформировавшаяся ситуация, по мнению турецкого аналитика Т. Демирташа, усиливает региональное влияние Анкары, позволяет предпринимать шаги по решению проблем и играть роль в формировании баланса сил в Сахеле¹⁴.

Антиколониальный дискурс активно продвигался Анкарой с 2000-х гг., поскольку Турецкая Республика нуждалась в формировании идейно-ценностной базы для вовлечения в Сахель. Однако данный дискурс не являлся чем-то уникальным, так как подобные антиколониальные высказывания использовали и другие акторы (например, Россия и Китай). При этом последние имеют больший практический опыт взаимодействия со странами региона.

¹¹ *Haber 7* (2023) ECOWAS'ın Nijer'e müdahale kararına Erdoğan'dan tepki: Doğru bulmuyorum. 21 August. Available at: <https://www.haber7.com/dunya/haber/3347189-ecowasin-nijere-mudahale-kararina-erdogandan-tepki-dogru-bulmuyorum> (accessed 13 February 2025).

¹² Denisova T & Kostelyanets S (2024) Confederation of Sahel States and Disintegration of ECOWAS. *RIAC*, 18 September. Available at: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/confederation-of-sahel-states-and-disintegration-of-ecowas/> (accessed 13 February 2025).

¹³ Demirtaş T (2024) Sahel ile ilişkilerde yeni dönem: Türkiye-Nijer ilişkileri. *SETA*, 17 July. Available at: <https://www.setav.org/odak/sahel-ile-iliskilerde-yeni-donem-turkiye-nijer-iliskileri> (accessed 13 February 2025).

¹⁴ *Ibid.*

Следует также отметить определенную амбивалентность в риторике и действиях Турции в тот период. С одной стороны, присутствовала критика французских операций в регионе, а с другой – осуществлялась поддержка «Сахельской группы пяти». Тем не менее, высказываемые идеи о «партнерстве и равенстве» дали свои практические результаты. Представители «Сахельской тройки» стали рассматривать Турцию как альтернативного внерегионального актора, которого можно использовать для возможного ослабления влияния бывших колониальных держав. Во второй половине 2010-х гг. Турция заключила значительное количество соглашений в области обороны и безопасности, создав тем самым нормативно-правовую базу для взаимодействия с государствами региона. При этом официальный дискурс последовательно подчеркивает отсутствие у Анкары гегемонистских устремлений в Сахеле.

Турецкая стратегия «win-win» в Сахеле и вопрос полезных ископаемых

В проправительственных турецких СМИ часто упоминалось о том, что якобы равноудаленный и гуманитарный подход Турции к африканским странам (включая государства Сахеля), основанный на принципе «win-win», является примером для многих стран¹⁵. Несмотря на провозглашаемую стратегию, проникновение Турции в Сахель в немалой степени базируется на интересе в разведке месторождений и добыче полезных ископаемых, в чем существенно нуждается Анкара ввиду ее зависимости от импорта в энергетической сфере.

В докладе Национальной разведывательной академии Турции отмечается, что в 2022 г. золото являлось основным товаром, экспортируемым из Нигера в Турцию¹⁶. На долю золота пришлось около 70,7 % нигерского экспорта общей стоимостью 20,1 млн долл. США. При этом Турция начала проявлять интерес к месторождениям золота в Нигере еще в 2010-е гг. В июле 2020 г. состоялся визит министра иностранных дел М. Чавушоглу в Нигер, который закрепил практический интерес Турции к месторождениям полезных ископаемых в этой стране. В ходе визита обсуждались шаги для улучшения существующего сотрудничества в области сельского хозяйства, энергетики, горнодобывающей промышленности и других отраслях¹⁷.

¹⁵ Doğan Ö.F. (2025) Afrika'nın artan potansiyeli ve Türkiye modeli. *Anadolu Ajansı*, 3 January. Available at: <https://www.aa.com.tr/tr/analiz/afrikanin-artan-potansiyeli-ve-turkiye-modeli/3440821> (accessed 13 February 2025).

¹⁶ Millî İstihbarat Akademisi (2024) Türkiye-Nijer ilişkileri: Osmanlı Türkiye'si'nin mirası ve gelecek perspektifleri. Rapor. p. 37. Available at: https://mia.edu.tr/uploads/f/trkiye-nijer-iliskileri-osmanli-trkiyesinin-mirasi-ve-gelecek-perspektifleri_1.pdf?v=1731651958 (accessed 13 February 2025).

¹⁷ Ministry of Foreign Affairs of Türkiye (2020) Sayın Bakanımızın Nijer ziyareti. 21 July. Available at: <https://www.mfa.gov.tr/sayin-bakanimizin-nijer-ziyareti.tr.mfa> (accessed 13 February 2025).

Вероятно, именно эти обстоятельства способствовали подписанию в сентябре 2020 г. «Письма о намерениях» между Министерством энергетики и природных ресурсов Турции и Министерством горнодобывающей промышленности Нигера. В тот же период Нигерийский центр геологических и горнодобывающих исследований (CRGM) и Международная горнодобывающая компания Турции MTA (*MTA International Company, MTAIC*) заключили Соглашение о сотрудничестве в области горнодобывающей промышленности¹⁸. Впоследствии была учреждена компания *MTAIC Niger Mining Limited* для проведения исследований и разведки полезных ископаемых в Нигере, которая получила три лицензии на проведение геологоразведочных работ на участках «Кулбага-1», «Кулбага-2» и «Дарес-Салем». Более того, в ноябре 2024 г. на Стамбульском энергетическом форуме турецкий президент объявил о том, что Турция планирует начать работу на одном из месторождений золота в Нигере уже в 2025 г.¹⁹ Впоследствии было заявлено, что в 2026 г. ожидается добыча около 3,5 тонн золота²⁰.

Однако экономические интересы Турции в Нигере не ограничиваются золотодобычей. Существенное внимание Анкара уделяет разведке и добыче нефти и природного газа. В июле 2024 г. стороны подписали Декларацию о намерениях по сотрудничеству в области нефти и природного газа²¹. Согласно статистическим данным, после золота вторым по значимости товаром нигерского экспорта в Турцию в 2022 г. стала рафинированная нефть на сумму 4,38 млн долл. США, что составило 15,4 % от общего объема двусторонней торговли²².

В том же докладе Национальной разведывательной академии указывается, что, несмотря на наличие высококачественных урановых месторождений в Нигере, Турция будет уделять основное внимание разработке месторождений и добыче нефти и природного газа²³. Вероятно, сложившаяся ситуация связана со стремлением Турции к диверсификации маршрутов и источников

¹⁸ *Западные механизмы управления региональной безопасностью и их уязвимости на примере Балканского и Сахаро-Сахельского регионов: доклад* / под ред. Е.Г. Антиной, А.А. Пивоваренко. М.: Фонд Горчакова, 2025. С. 77. URL: https://www.hse.ru/data/2025/06/05/2001124214/Западные_механизмы_управления_региональной_безопасностью.pdf (дата обращения: 05.06.2025).

¹⁹ *T.C. İletişim Başkanlığı* (2024) Cumhurbaşkanı Erdoğan: Enerjide tam bağımsız Türkiye hedefiyle yolumuza emin adımlarla devam ediyoruz. 22 November. Available at: <https://www.iletisim.gov.tr/turkce/haberler/detay/cumhurbaskani-erdogan-enerjide-tam-bagimsiz-turkiye-hedefiyle-yolumuza-emin-adimlarla-devam-ediyoruz> (accessed 13 February 2025).

²⁰ *Enerji Ekonomisi* (2025) Türkiye doğal gaz üretimi 5 kat artacak. 24 March. Available at: <https://www.enerjiekonomisi.com/turkiye-dogal-gaz-uretimi-5-kat-artacak/34492/> (accessed 24 March 2025).

²¹ Kazancı H (2024) Türkiye, Niger sign memorandum of understanding for cooperation in mining. *Anadolu Ajansı*, 22 October. Available at: <https://www.aa.com.tr/en/energy/general/turkiye-niger-sign-memorandum-of-understanding-for-cooperation-in-mining/44080> (accessed 13 February 2025).

²² *Millî İstihbarat Akademisi* (2024) Türkiye-Nijer ilişkileri: Osmanlı Türkiye'si'nin mirası ve gelecek perspektifleri. Rapor. p. 37. Available at: https://mia.edu.tr/uploads/f/trkiye-nijer-iliskileri-osmanli-trkiyesinin-mirasi-ve-gelecek-perspektifleri_1.pdf?v=1731651958 (accessed 13 February 2025).

²³ Ibid.

поставок нефти и природного газа. В дополнение к этому турецкие компании не обладают достаточными компетенциями по разработке и освоению урановых месторождений. При этом, по разным данным, подписанный Меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве в горнодобывающей промышленности между Турцией и Нигером предусматривает доступ к неразработанным или существующим урановым рудникам, что может быть обусловлено ожидаемым запуском АЭС «Аккую» и планами по строительству еще двух АЭС – во Фракии и Синопе²⁴. Кроме того, конкуренция в сфере разработки и добычи нефти и природного газа в Нигере ниже, чем в других отраслях.

Несмотря на интерес Турции к полезным ископаемым «Сахельской тройки», Анкара сталкивается с рядом ограничений. В 2023 г. турецкая компания *Afro Turk* приобрела активы в шахтах Ината и Тамбао в Буркина-Фасо за 50 млн долл. США. Однако спустя год власти этой страны отозвали лицензию у турецкого холдинга из-за неисполнения финансовых обязательств²⁵. Помимо этого, сотрудничество с властями в сфере горнодобывающей промышленности является достаточно ограниченным из-за сохраняющегося контроля за месторождениями со стороны западных и китайских холдингов, например, в Мали.

В этой связи важно подчеркнуть, что антизападную риторику новых властей Сахельской тройки не следует интерпретировать как намерение полностью вытеснить западные транснациональные компании с рынка и заменить их российскими, китайскими, турецкими или иными акторами. Более того, сами западные корпорации, естественно, не стремятся покидать регион, напротив, они готовы выстраивать отношения с новыми властями. Например, стало известно, что в феврале 2025 г. канадская компания *Barrick Gold* подписала новое соглашение с правительством Мали, чтобы положить конец почти двухлетнему спору о своих горнодобывающих активах в этой стране²⁶. В марте того же года военное руководство Нигера распорядилось о высылке трех китайских топ-менеджеров нефтяных компаний, заявив, что они не выполнили новое положение кодекса о добыче полезных ископаемых, ориентированного на поощрение использования местных товаров и услуг²⁷. Следовательно, система давления на иностранные компании путем

²⁴ *Mining.com* (2024) Turkey eyes Niger mining projects amid competition for uranium. 22 October. Available at: <https://www.mining.com/web/turkey-eyes-niger-mining-projects-amid-competition-for-uranium/> (accessed 13 February 2025).

²⁵ *Западные механизмы управления региональной безопасностью и их уязвимости на примере Балканского и Сахаро-Сахельского регионов: доклад* / под ред. Е.Г. Энтиной, А.А. Пивоваренко. М.: Фонд Горчакова, 2025. С. 79. URL: https://www.hse.ru/data/2025/06/05/2001124214/Западные_механизмы_управления_региональной_безопасностью.pdf (дата обращения: 05.06.2025).

²⁶ *Tech in Africa* (2025) Mali's junta secures \$438 million from Barrick Gold in mining dispute resolution. 1 March. Available at: <https://www.techinafrica.com/malis-junta-secures-438-million-from-barrick-gold-in-mining-dispute-resolution/> (accessed 2 March 2025).

²⁷ *Agenzia Nova* (2025) Niger military junta expels Chinese oil executives, closes Beijing-built hotel. 14 March. Available at: <https://www.agenzianova.com/en/news/niger-military-junta-expels-chinese-oil-executives--closes-beijing-built-hotel/> (accessed 14 March 2025).

ареста или высылки топ-менеджмента относится не только к западным ТНК, но и к китайским. Новые власти сахельских стран стремятся увеличить поступления в доходную часть бюджета, что обусловлено острой потребностью в финансовых ресурсах. В этом контексте не исключено, что подобные меры могут быть распространены и на российские или турецкие компании.

В целом, несмотря на провозглашаемую стратегию «*win-win*», Анкара во многом действует в русле бывших колониальных держав, стремясь взять под контроль ключевые месторождения полезных ископаемых стран Сахеля с целью диверсификации своей энергетической политики. При этом, оставаясь частью трансатлантического сообщества, Турция не может вступать в жесткую конфронтацию в Африке со своими союзниками по НАТО, так как турецкая экономика во многом зависит от торгово-экономических отношений с этими странами. К тому же следует учесть также экономические проблемы внутри Турции: ввиду инфляции, нестабильности турецкой лиры и высокой ключевой ставки турецкие крупные компании имеют экономические и финансовые ограничения для расширения своей деятельности в иных странах, включая Сахельский регион.

Турция как альтернативный поставщик безопасности для «Сахельской тройки»

С имиджевой точки зрения Турция стремится продемонстрировать расширение географии экспорта своей военной продукции. В этом смысле Африка идеально подходит под эти задачи, особенно с учетом выдавливания Франции из стран Сахеля и на фоне роста антизападных настроений в странах континента. Турция стремится занять рынок военной продукции в африканских государствах, поскольку они находятся в поиске альтернативных поставщиков.

Стоит отметить, что отношения по линии военно-политического и военно-технического сотрудничества со странами Субсахарской Африки начали наиболее активно выстраиваться с 2017 г. (Demirtaş & Pirinççi, 2024: 112). В контексте «Сахельской тройки» наибольшее количество соглашений было подписано с Нигером. Эти договоренности охватывали такие направления, как военное образование, техническая и научная кооперация, оборонная промышленность, безопасность и подготовка военных кадров. Аналогичные соглашения были достигнуты с Мали – в области оборонной промышленности и военной подготовки, а также с Буркина-Фасо – в сфере оборонно-промышленного сотрудничества. Большая часть договоров была заключена еще до военных переворотов 2020-х гг., и эти документы легли в основу развития военно-технического сотрудничества между Турцией и странами региона.

Таблица 1. Поставки военной продукции Турции
в страны «Сахельской тройки»²⁸

Table 1. Turkey's military supplies to the states of the "Sahel Trio"

Реципиент	Военная продукция	Количество
Нигер	БПЛА <i>Bayraktar TB2</i>	6 (2022 г.)
	Учебно-боевой самолет <i>Hürkuş-C</i>	2 (2023 г.)
	БПЛА <i>Karayel-SU</i>	заказано не менее 5
Буркина-Фасо	БПЛА <i>Bayraktar TB2</i>	8 (2023 г.)
	БПЛА <i>Bayraktar Akinci</i>	2 (2024 г.)
	БТР <i>Ejder Yalçın 4x4</i>	24 (2021 г.)
	БТР <i>Nurol Ejder 6x6</i>	15 (2022 г.)
	Бронеавтомобиль <i>Otokar Cobra</i>	40 (2018 г.)
Мали	БПЛА <i>Bayraktar TB2</i>	не менее 17 (2024 г.)
	БПЛА <i>Bayraktar Akinci</i>	2 (2024 г.)

По данным *SIPRI* и других источников, турецкие БПЛА *Bayraktar TB2* и *Bayraktar Akinci* уже поставлены в Нигер, Буркина-Фасо и Мали. Кроме того, Буркина-Фасо приобрела БТР *Ejder Yalçın 4x4* и БТР *Nurol Ejder 6x6*; интерес к последним выражал и Нигер (см. Таблицу 1). В качестве демонстрации эффективности турецких БПЛА в социальных сетях были опубликованы видеоматериалы с ударами по колоннам террористических группировок²⁹. Во время официального визита в Нигер министр иностранных дел Турции Х. Фидан отметил, что терроризм является основным источником нестабильности в Сахеле³⁰.

²⁸ Источник: составлено автором по данным: *SIPRI* (2024) Arms Transfers Database. Available at: <https://armstransfers.sipri.org/> (accessed 14 March 2025); Martin G. (2024) Mali receives more Bayraktar TB2 UAVs. *DefenceWeb*, 19 January. Available at: <https://www.defenceweb.co.za/aerospace/aerospace-aerospace/mali-receives-more-bayraktar-tb2-uavs/> (accessed 13 February 2025); Lionel E. (2024) Niger to acquire Turkish Karayel combat drones. *Military Africa*, 15 October. Available at: <https://www.military.africa/2024/10/niger-to-acquire-turkish-karayel-combat-drones/> (accessed 13 February 2025); Lionel E. (2024) Burkina Faso's Akinci drone breaks cover. *Military Africa*, 9 April. Available at: <https://www.military.africa/2024/04/burkina-fasos-akinci-drone-breaks-cover/> (accessed 13 February 2025); Martin G. (2023) Burkina Faso commissions Bayraktar TB2 UAVs. *DefenceWeb*, 29 March. Available at: <https://www.defenceweb.co.za/aerospace/aerospace-aerospace/burkina-faso-commissions-bayraktar-tb2-uavs/> (accessed 13 February 2025); *Mepa News* (2022) Türkiye'den Burkina Faso'ya zırhlı araç teslimatı. 27 December. Available at: <https://www.mepanews.com/turkiyeden-burkina-fasoya-zirhli-arac-teslimati-57376h.htm> (accessed 13 February 2025).

²⁹ *Savunma Sanayi ST* (2024) Burkina Faso Hava Kuvvetleri'ne ait TB2 SiHA'lar, çok sayıda teröristi etkisiz hale getirdi. X, 4 May. Available at: <https://x.com/SavunmaSanayiST/status/1786770433406066688> (accessed 13 February 2025); *Conflict* (2024) Mali ordusuna ait Bayraktar TB2 SiHA'lar, saldırı hazırlığındaki büyük bir terör konvoyunu Barkino Faso'da etkisiz hale getirdi. X, 18 January. Available at: <https://x.com/ConflictTR/status/1748000440480919657> (accessed 13 February 2025).

³⁰ Tekin E. (2024) Turkish foreign minister discusses fight against terrorism during official visit to Niger. *Anadolu Ajansı*, 18 July. Available at: <https://www.aa.com.tr/en/turkiye/turkish-foreign-minister-discusses-fight-against-terrorism-during-official-visit-to-niger/3278181> (accessed 13 February 2025).

В этой связи Анкара стремится продемонстрировать себя в качестве надежного актора и партнера в обеспечении безопасности региона и борьбы с терроризмом в регионе. Схожий подход реализуется и в Сомали, где Турция оказывает поддержку федеральному правительству в противодействии радикальной исламистской группировке «Аш-Шабаб»*, включая поставки военной техники и обучение военнослужащих национальной армии Сомали.

Дополнительным элементом укрепления связей стало посещение высокопоставленными представителями стран Сахеля ведущих оборонных предприятий Турции. Например, в состав делегаций вошли премьер-министр Нигера А. Зейн и командующий сухопутными войсками Мали Х. Самаке³¹. Они посетили предприятия *Aselsan, Nurol Makina, MKE, TAI, Roketsan*, Национальный технологический центр имени О. Байрактара и др. Совладельцы компании *Baykar* С. Байрактар и Х. Байрактар также получили высшие государственные награды Буркина-Фасо и Мали за вклад в укрепление безопасности и борьбу с терроризмом³². Примечательным символическим жестом стало появление модели *Bayraktar Akinci* на столе главы переходного правительства Мали А. Гоита о время церемонии подписания новой Конституции³³. Вероятно, таким образом он стремился продемонстрировать как внутренней аудитории, так и западным, в частности французским, контрагентам наличие альтернативных партнеров по линии поставок военной продукции.

Кроме того, по ряду сообщений, с сентября 2023 г. в Нигер было переброшено около 1100 сирийских наемников, ранее участвовавших в гражданской войне в Сирии и находившихся под патронажем Турции³⁴. Предположительно, они заключили контракты с турецкой частной военной компанией *SADAT* и были направлены в зону Липтако-Гурма – стратегически важный пограничный район между Буркина-Фасо, Мали и Нигером. По видимому, их основными задачами являются охрана месторождений, объектов энергетической инфраструктуры и военных объектов, а также участие в противодействии вооруженным формированиям, включая «Вилайят ИГ Западная Африка», «Аль-Каиду», «Боко Харам»* и другие радикальные группировки³⁵. К тому же утверждается,

* Запрещенная на территории Российской Федерации организация.

³¹ *Западные механизмы управления региональной безопасностью и их уязвимости на примере Балканского и Сахаро-Сахельского регионов: доклад* / под ред. Е.Г. Энтиной, А.А. Пивоваренко. М.: Фонд Горчакова, 2025. С. 80. URL: https://www.hse.ru/data/2025/06/05/2001124214/Западные_механизмы_управления_региональной_безопасностью.pdf (дата обращения: 05.06.2025).

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ *ADF Magazine* (2024) Turkey sends Syrian mercenaries to Niger. 18 June. Available at: <https://adf-magazine.com/2024/06/turkey-sends-syrian-mercenaries-to-niger/> (accessed 13 February 2025).

* Запрещенные на территории Российской Федерации организации.

³⁵ Семенов К. (2023) «Исламское государство» в Африке – филиалы и конкуренты. *РСМД*, 20 июля. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/islamskoe-gosudarstvo-v-afrike-filialy-i-konkurenty/> (дата обращения: 13.02.2025).

что ЧБК *SADAT* готовила сотрудников службы безопасности, которые охраняют переходного президента Мали А. Гоита³⁶.

Необходимо отметить, что опыт развертывания ЧБК *SADAT* был апробирован в Ливии. В 2019–2020 гг. Ливийская национальная армия во главе с фельдмаршалом Х. Хафтаром начала наступление на Триполи, который контролировался Правительством национального согласия (ПНС) под руководством Ф. Сарраджа. В гражданской войне в Ливии Турция заняла сторону ПНС. По имеющимся сведениям, тогда было переброшено несколько тысяч наемников из числа ЧБК *SADAT* для поддержки сил в Триполи³⁷. Необходимо учитывать, что Ливия вплотную примыкает к Сахелю, следовательно, опыт переброски наемников из Сирии в Ливию мог быть использован для подобных действий в регионе.

С учетом этого следует отметить, что продвигаемый дискурс об альтернативном поставщике безопасности Турция смогла претворить в жизнь путем заключения соответствующих соглашений во второй половине 2010-х – начале 2020-х гг., а затем поставок военной техники и, вероятно, переброски наемников из числа турецкой ЧБК.

В поисках нового внешнеполитического плацдарма в Африке

Турция приобрела опыт взаимодействия как со странами Северной Африки (Ливия), так и Восточной Африки (Сомали), создав для себя точки внешнеполитического «закрепления», что может стать плацдармом для потенциального расширения турецкого присутствия в регионе. Вполне логично, что, осуществив свое упрочение на севере и востоке континента, следующим шагом является западное направление, включая страны Сахеля.

В аналитическом материале *SETA* указывается, что Нигер привлекает внимание не только богатыми минеральными ресурсами, но и своим стратегическим положением, соединяющим Северную Африку и Африку южнее Сахары. К тому же, Нигер находится на пересечении торговых и миграционных путей между субрегионами³⁸.

Следует сказать, что Нигер – государство, которое в наибольшей степени связано с Турцией заключенными соглашениями в разных областях сотрудничества. Турция традиционно использует исторические нарративы, чтобы обосновать свое присутствие в том или ином регионе, что ранее наблюдалось, например, в Ливии и Сомали. В случае с Нигером таким символическим

³⁶ *ADF Magazine* (2024) Turkish PMC 'Sadat' competes for Sahel influence. 30 July. Available at: <https://adf-magazine.com/2024/07/turkish-pmc-sadat-competes-for-sahel-influence/> (accessed 13 February 2025).

³⁷ Nadawa L. (2024) Sahel security dynamics. *AllAfrica*, 10 October. Available at: <https://allafrica.com/stories/202410100007.html> (accessed 13 February 2025).

³⁸ Demirtaş T. (2024) Sahel ile ilişkilerde yeni dönem: Türkiye-Nijer ilişkileri. *SETA*, 17 July. Available at: <https://www.setav.org/odak/sahel-ile-iliskilerde-yeni-donem-turkiye-nijer-iliskileri> (accessed 13 February 2025).

нарративом выступает слабо подтвержденный факт о том, что туарегские племена обращались к османскому султану Баязиду I с просьбой о прекращении междоусобных войн. В ответ султан якобы направил своего внебрачного сына Юнуса в качестве султана Агадеса³⁹.

Интерес Турции к Нигеру усилился после государственного переворота, совершенного в июле 2023 г. под руководством генерала Абдурахмана Тчиани. Одним из ключевых заявлений нового военного руководства стало намерение вывести из страны французские и американские силы. Эти намерения были реализованы: последние подразделения вооруженных сил Франции и США покинули территорию Нигера в декабре 2023 г. и августе 2024 г. соответственно.

Турция сразу же включилась во взаимодействие с новыми властями в Ниамее, и уже в феврале 2024 г. состоялся официальный визит премьер-министра Нигера А. Зейне в Анкару, где он встретился с турецким президентом⁴⁰. Более того, в июле того же года состоялся ответный визит представительной турецкой делегации в Ниамей, в состав которой вошли министр иностранных дел Х. Фидан, министр национальной обороны Я. Гюлер, министр энергетики и природных ресурсов А. Байрактар, глава Национальной разведывательной организации И. Калын, председатель Управления оборонной промышленности Х. Гергюн и другие высокопоставленные лица. По итогам визита министр Фидан заявил: *«Мы обсудили, что можно сделать для развития оборонной промышленности и разведывательного потенциала в рамках борьбы с терроризмом в Нигере, как мы это сделали в Сомали»*⁴¹. Это заявление позволяет предположить, что механизмы, которые были использованы Анкарой в отношении Могадишо, также могли бы применяться в отношении Нигера.

В ряде западных аналитических материалов авторы указывали, что Турция могла попросить Нигер передать ей бывшую французскую военную базу Мадама недалеко от ливийской границы⁴². При этом следует отметить, что подобные рассуждения начали появляться еще в 2020 г. после визита М. Чавушоглу. Однако в Нигере Анкара, возможно, пока делает ставку на наемников из ЧВК *SADAT*, а создание полноценной военной базы, как в Сомали, является

³⁹ *Daily Sabah* (2018) Niger's Agadez continues tradition to honor Ottoman sultans during Friday prayers. 24 September. Available at: <https://www.dailysabah.com/history/2018/09/24/tika-revives-legacy-of-ottoman-empire-in-niger> (accessed 13 February 2025).

⁴⁰ Demirtaş T. (2024) Sahel ile ilişkilerde yeni dönem: Türkiye-Nijer ilişkileri. *SETA*, 17 July. Available at: <https://www.setav.org/odak/sahel-ile-iliskilerde-yeni-donem-turkiye-nijer-iliskileri> (accessed 13 February 2025).

⁴¹ Ibid.

⁴² Donelli F. (2022) UAVs and beyond: Security and defence sector at the core of Turkey's strategy in Africa. *Megatrends Afrika*, 2 March. Available at: https://www.megatrends-afrika.de/assets/afrika/publications/policybrief/MTA_PB02_2022_Donelli_UAVs_and_beyond.pdf (accessed 13 February 2025).

проблемным из-за наличия конкуренции со стороны иных акторов. В частности, в 2024 г. сообщалось о стремлении фельдмаршала Х. Хафтара установить контроль над базой Мадама, что является чувствительным моментом для Анкары, учитывая ее поддержку Правительства национального единства (ПНЕ) в Триполи и напряженные отношения с Х. Хафтаром, несмотря на последние визиты его сына С. Хафтара в Турцию и попытки турецкой стороны найти пути сближения с властями Восточной Ливии в связи с борьбой за полезные ископаемые Восточного Средиземноморья⁴³.

Таким образом, сосредоточение внимания Турции на Нигере обусловлено рядом факторов. Во-первых, между Анкарой и Ниамеем заключено наибольшее количество двусторонних соглашений по сравнению с другими странами Сахеля. Эти соглашения охватывают сферы оборонной промышленности, подготовки военных кадров, разведывательного взаимодействия, а также добычи и переработки полезных ископаемых. Во-вторых, Нигер граничит с Ливией (где Турция имеет позиции в Триполи), что облегчает логистическую связь с Триполи и снабжение возможных прокси-структур. Вдобавок на юге Нигер соседствует с Нигерией, которая является одним из основных торговых партнеров Турции в Африке южнее Сахары, а также поставщиком энергоносителей в рамках турецкой политики энергетической диверсификации. В-третьих, на территории Нигера уже реализуются экономические проекты с участием турецких компаний – прежде всего в горнодобывающем секторе (в частности, по разработке месторождений золота), а также в строительной отрасли. Как следствие, турецкие компании уже имеют практический опыт присутствия в этой стране, что дает возможность расширять сферу деятельности.

На данный момент отсутствуют подтвержденные данные об открытии Турцией военной базы на территории Нигера, аналогичной той, что функционирует в Сомали. Анкара продолжает свою деятельность в этом направлении, вероятно, ограничиваясь использованием наемников ЧВК *SADAT*.

Параллельно, согласно ряду источников, Национальная разведывательная организация Турции (*Milli İstihbarat Teşkilatı*) создала оперативный центр в Нигере⁴⁴. Возможно, это было сделано с целью координации борьбы с террористическими группировками, подготовке местных сил национальной безопасности, продвижении интересов крупного турецкого бизнеса, турецкой военной продукции и контроля месторождений полезных ископаемых. Если до этого внешнеполитические действия в Сахеле носили разрозненный

⁴³ *Agenzia Nova* (2024) Haftar aims to control the Madama base on the border with Niger. 3 September. Available at: <https://www.agenzianova.com/en/news/Haftar-aims-to-control-the-Madama-base-on-the-border-with-Niger> (accessed 13 February 2025).

⁴⁴ *Nordic Monitor* (2025) Turkish intelligence has established an operations hub in Niger to project power across Africa. 20 January. Available at: <https://nordicmonitor.com/2025/01/turkish-intelligence-has-established-an-operations-hub-in-niger-to-project-power-across-africa/> (accessed 13 February 2025).

характер, то с появлением подобного центра многое будет осуществляться более скоординированно и централизованно. Более того, создание оперативного центра может стать предпосылкой для открытия полноценной военной базы в стране, что приведет к реализации идеи о внешнеполитическом плацдарме в Западной Африке.

Заключение

Таким образом, продвигаемые Турцией в публичном пространстве дискурсы, связанные с так называемым антиколониальным компонентом в Африке и стратегией «*win-win*», в значительной степени остаются декларативными и слабо коррелируют с реальной внешнеполитической и экономической практикой Анкары в регионе Сахеля. В действительности политика Турции во многом соответствует модели поведения других влиятельных внешних акторов и определяется преимущественно продиктованными национальными интересами прагматичными соображениями, особенно в экономической сфере.

Проблема расширения экономического присутствия Турции в Сахеле состоит в том, что турецкие компании сталкиваются с серьезной конкуренцией не только с западными, но и с китайскими и российскими компаниями. При этом западные холдинги не стремятся покинуть регион и даже готовы идти на компромиссы с новыми властями сахельских государств. Следует отметить, что давление со стороны нового руководства данных стран испытывают не только западные, но и китайские компании. Исходя из этого, турецкие холдинги также могут попасть в схожее положение. Отчасти это уже произошло в Буркина-Фасо, где у турецкой компании *Afro Turk* была отозвана лицензия на разработку месторождений.

В долгосрочной перспективе Турция, как и бывшие колониальные державы, может столкнуться с проблемой сохранения устойчивого присутствия в регионе. Анкаре может быть сложно предложить «Сахельской тройке» выгодные экономические проекты, несмотря на политическое и военно-техническое сотрудничество в регионе. Традиционная эксплуатация и контроль месторождений полезных ископаемых мало чем будут отличаться от предложений, исходящих от западных государств.

В то же время дискурсы об альтернативном поставщике безопасности и формировании новых внешнеполитических плацдармов на континенте в целом реализуются на практике. Развитие внешнеполитических контактов с «Сахельской тройкой» (Нигер, Мали, Буркина-Фасо) следует рассматривать как часть более широкой стратегии Анкары по расширению влияния в Западной Африке. Турция, очевидно, не намерена ограничиваться этими тремя государствами: уже наблюдается активизация взаимодействия с прибрежными странами региона, включая Сенегал и Нигерию, а также с Чадом – государством, имеющим, как и Нигер, общую границу с Ливией.

Чад, вероятно, рассматривается Анкарой как следующая точка укрепления военно-политического присутствия в регионе. После официального завершения французской военной миссии в Чаде в январе 2025 г. в открытых источниках появилась информация о возможном размещении турецких войск на бывших французских базах в Файя-Ларжо и Абеше. Сообщается также о пребывании в стране турецких военных инструкторов и представителей оборонно-промышленного комплекса⁴⁵. В рамках двустороннего сотрудничества чадской армии были переданы учебно-боевые самолеты *Hürkuş-C*, а также беспилотные летательные аппараты *Aksungur* и *Anka*. Вероятно, Турция решила не делать ставку только на Нигер, и потенциальное открытие базы в Чаде позволит охватить сразу две страны, которые имеют прямую границу с Ливией, а также с Нигерией и Суданом.

Параллельно Турция стремится позиционировать себя как надежного и эффективного альтернативного актора в сфере обеспечения безопасности и борьбы с терроризмом в Сахеле, опираясь на опыт ранее реализованных инициатив в Ливии и, в особенности, в Сомали, которые используются как демонстративные «успешные кейсы». Однако сомалийский «успех» Турции имеет двойственный характер. С одной стороны, с точки зрения внешнеполитического позиционирования Анкаре действительно удалось создать плацдарм в Восточной Африке. С другой стороны, несмотря на значительные усилия, страна продолжает сталкиваться с серьезными угрозами со стороны радикальной исламистской группировки «Аш-Шабаб»*, которая с января 2025 г. ведет активные наступательные действия в центральной части страны к северо-востоку от Могадишо. На этом фоне Турция была вынуждена усилить военную поддержку федерального правительства Сомали, поставив ударные беспилотные летательные аппараты *Bayraktar Akinci* и вертолеты *T129 ATAK*⁴⁶. Подобные меры обусловлены тем, что возможное ослабление или поражение сомалийских вооруженных сил поставит под угрозу репутацию Турции, поскольку в последние годы именно турецкие инструкторы осуществляли подготовку сомалийских военнослужащих.

Одним из вызовов для Анкары является формирование лояльных ей элитных групп в Африке. На данном этапе, наряду с механизмами публичной дипломатии, внедренными в 2010-х гг., это реализуется через систему подготовки местных военнослужащих и сотрудников сил национальной безопасности. Аналогичная практика применяется и в странах Сахеля, где военно-образовательное сотрудничество выступает важной составляющей широкой модели турецкого политико-военного присутствия.

⁴⁵ Abdul K. (2025) Turkey takes control of Abeche military base in Chad. *Military Africa*, 9 February. Available at: <https://www.military.africa/2025/02/turkey-takes-control-of-abeche-military-base-in-chad/> (accessed 13 February 2025).

* Запрещенная на территории Российской Федерации организация.

⁴⁶ *Türkiye Today* (2025) Somalia reportedly set to receive Turkish-made T129 ATAK attack helicopters. 26 March. Available at: <https://www.turkiyetoday.com/world/somalia-reportedly-set-to-receive-turkish-made-t129-atak-attack-helicopters-136643/> (accessed 26 March 2025).

Список литературы:

1. Аватков В.А., Томилова Ю.О. (2013) Перспективы становления Турции как ведущего игрока на африканском континенте. *Вестник МГИМО Университета* (4): 227–233. DOI: 10.24833/2071-8160-2013-4-31-227-233.
2. Алексанян Л.М. (2023) Политика Турции в Африке на современном этапе (политический, экономический, гуманитарный аспекты). *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика* (2): 67–80. DOI: 10.31249/rva/2023.02.00.
3. Колесникова М.А. (2024) Новые контуры турецкой политики в Африке. *Восточная аналитика* 14(2): 80–86. DOI: 10.31696/2227-5568-2024-02-80-86.
4. Костелянец С.В. (2016) Политика Турции на африканском направлении: новые тенденции в выборе партнеров. *Азия и Африка сегодня* (7): 30–35. URL: https://asaf-today.ru/index.php?dispatch=selectel.getfile&object_id=30024&object_type=pdf
5. Наджаров А.М., Энтина Е.Г. (2023) Подходы ЕС к управлению миграционными потоками в Сахеле и их последствия для региона. *Международная аналитика* 14(3): 74–92. DOI: 10.46272/2587-8476-2023-14-3-74-92.
6. Свистунова И.А. (2018) Региональная политика Турции: стратегия в отношении стран Африки. *Проблемы национальной стратегии* (4): 67–80. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35548342> (дата обращения: 29.07.2025).
7. Энтина Е.Г., Пророкович Д. (2022) Распад Югославии в научно-исследовательском и политическом дискурсах России и Сербии. *Международная аналитика* 13(3): 94–115. DOI: 10.46272/2587-8476-2022-13-3-94-115.
8. Ягья В.С., Колесникова М.А. (2018) «Три кита» турецкой политики в Африке. *Сравнительная политика* 9 (1): 37–59. DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-1-37-59.
9. Besenyo J. (2021) Turkey's Growing Interest in the African Continent. *Journal of Central and Eastern European African Studies* 1(1–2): 70–89. DOI: 10.59569/jceas.2021.1.1-2.4.
10. Dahir A. (2021) The Turkey-Africa Bromance: Key Drivers, Agency, and Prospects. *Insight Turkey* 23(4): 27–38. DOI: 10.25253/99.2021234.2.
11. Demirtaş T., Piringçi F. (2024) Türkiye's Security Policy in Sub-Saharan Africa: A Constructivist Analysis. *Insight Turkey* 26(3): 103–129. DOI: 10.25253/99.2024263.8.
12. Donelli F. (2018) The Ankara Consensus: The Significance of Turkey's Engagement in Sub-Saharan Africa. *Global Change, Peace & Security* 30(1): 57–76. DOI: 10.1080/14781158.2018.1438384.
13. Donelli F., Cannon B.J. (2025) Beyond National Boundaries: Unpacking Türkiye's Role in the Sahel and Beyond Through Geopolitical Imagination. *Geopolitics* [online first]. DOI: 10.1080/14650045.2025.2456024.
14. Kanazoe I., Ozoral B. (2022) Turkish Foreign Policy Strategies in the Sahel Region. *International Journal of Innovative Research and Advanced Studies* 9(12): 43–57. Available at: https://www.ijiras.com/2022/Vol_9-Issue_12/paper_6.pdf (accessed 29 July 2025).
15. Karaoğuz E., Gürbüz E.S. (2021) The Political Economy of Turkey–Africa Relations. In: Tepeciklioğlu E.E., Tepeciklioğlu A.O. (eds.) (2021) *Turkey in Africa: A New Emerging Power?* Routledge. Chapter 5.
16. Mustapha A.B. (2024) Türkiye–Alliance of Sahel States Relations: A Preliminary Appraisal. *Insight Turkey* 26(3): 203–221. DOI: 10.25253/99.2024263.12.
17. Nadzharov A.M., Entina E.G. (2023) Franco–Russian Great Power Rivalry in the Sahara-Sahel Region. *Russia in Global Affairs* 21(3): 181–204. DOI: 10.31278/1810-6374-2023-21-3-181-204.
18. Sıradağ A. (2018) Turkey–Africa Alliance: Evolving Patterns in Security Relations. *African Security Review* 27(3–4): 308–325. DOI: 10.1080/10246029.2018.1550429.
19. Tepeciklioğlu E.E., Vreÿ F., Baser B. (2024) Introduction Turkey and Africa: Motivations, Challenges and Future Prospects. *Journal of Balkan and Near Eastern Studies* 26(3): 289–294. DOI: 10.1080/19448953.2023.2236514.

THE "SAHEL TRIO" IN TURKEY'S FOREIGN POLICY: DISCOURSES, INSTRUMENTS AND PROSPECTS

Dr. Damir R. ISLAMOV – Research Fellow, Mediterranean Studies Centre, Faculty of World Economy and International Affairs, HSE University
 ORCID 0000-0003-1338-3277. E-mail: dam1948@yandex.ru
 17, M. Ordynka str., Moscow, Russia, 119017.

Received March 28, 2025

Accepted June 10, 2025

Abstract: In the early 2020s, the countries of the "Sahel Trio" (Mali, Burkina Faso, Niger) experienced a series of military coups, bringing elite groups to power, including those utilizing anti-Western narratives. This created an opportunity for non-Western actors to expand their influence in the Sahel, which the Republic of Türkiye is most dynamically seeking to capitalize on. Ankara's foreign policy "probing" of the African continent had begun as early as the 2000s, with the establishment of a diplomatic platform within the "Türkiye-Africa" summits. By the 2010s, Türkiye began to show a more focused interest in the Sahel, laying the legal and regulatory groundwork for future cooperation, which would serve as a springboard for deeper regional engagement in the early 2020s. It is worth noting that, during the 2010s, Ankara primarily emphasized mechanisms of public diplomacy and trade-economic cooperation, while also partially supporting initiatives led by Western powers, such as the "G5 Sahel". At the same time, Türkiye promoted an anti-colonial discourse towards African states, highlighting that, unlike the European powers, the Ottoman Empire was not engaged in the colonial exploitation of the continent. By the late 2010s and early 2020s, Ankara gradually began positioning itself as an independent player capable of serving as an alternative security guarantor in the Sahel region. This was achieved through the supply of its own military products, promoting military-technical and scientific cooperation, and training local armed forces. Notably, Türkiye has developed its closest relations in the Sahel with Niger, followed by Mali and then Burkina Faso. Over the past few years, Türkiye has established its own model of foreign policy engagement in Africa, which also applies to the Sahel countries. Therefore, this study aims to examine Türkiye's foreign policy toward Niger, Mali, and Burkina Faso through the lens of the key discourses Ankara promotes on the continent. Additionally, it highlights the main priorities and challenges Türkiye may face in its engagement with the "Sahel Trio".

Keywords: Turkey, Türkiye, Sahel, Mali, Burkina Faso, Niger, Sahel Trio, Confederation of Sahel States, Alliance of Sahel States, ECOWAS, security

References:

1. Avatkov V.A., Tomilova Yu.O. (2013) The Prospects of Turkish Rise in Africa as a Key Player [Perspektivy stanovleniya Turtsii kak vedushchego igroka na afrikanskom kontinente]. *Vestnik MGIMO Universiteta [MGIMO Review of International Relations]* (4): 227–233. DOI: 10.24833/2071-8160-2013-4-31-227-233. (In Russian).
2. Aleksanyan L.M. (2023) Policy of Turkey towards Africa at the Present Stage (Political, Economic, Humanitarian Aspects) [Politika Turtsii v Afrike na sovremennom etape (politicheskiy, ekonomicheskiy, gumanitarnyy aspekty)]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 9: Vostokovedenie i afrikanistika [Social and*

- Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 9: Oriental and African Studies*] (2): 67–80. DOI: 10.31249/rva/2023.02.00. (In Russian).
3. Besenyo J. (2021) Turkey's Growing Interest in the African Continent. *Journal of Central and Eastern European African Studies* 1(1–2): 70–89. DOI: 10.59569/jceas.2021.1.1–2.4.
4. Dahir A. (2021) The Turkey-Africa Bromance: Key Drivers, Agency, and Prospects. *Insight Turkey* 23(4): 27–38. DOI: 10.25253/99.2021234.2.
5. Demirtaş T., Pirinççi F. (2024) Türkiye's Security Policy in Sub-Saharan Africa: A Constructivist Analysis. *Insight Turkey* 26(3): 103–129. DOI: 10.25253/99.2024263.8.
6. Donelli F. (2018) The Ankara Consensus: The Significance of Turkey's Engagement in Sub-Saharan Africa. *Global Change, Peace & Security* 30(1): 57–76. DOI: 10.1080/14781158.2018.1438384.
7. Donelli F., Cannon B.J. (2025) Beyond National Boundaries: Unpacking Türkiye's Role in the Sahel and Beyond Through Geopolitical Imagination. *Geopolitics* [online first]. DOI: 10.1080/14650045.2025.2456024.
8. Entina E.G., Prorokovich D. (2022) The Breakup of Yugoslavia in the Research and Political Discourses of Russia and Serbia [Raspad Jugoslavii v nauchno-issledovatel'skom i politicheskom diskursakh Rossii i Serbii]. *Mezhdunarodnaya analitika* [Journal of International Analytics] 13(3): 94–115. DOI: 10.46272/2587-8476-2022-13-3-94-115. (In Russian).
9. Kanazoe I., Ozoral B. (2022) Turkish Foreign Policy Strategies in the Sahel Region. *International Journal of Innovative Research and Advanced Studies* 9(12): 43–57. Available at: https://www.ijiras.com/2022/Vol_9-Issue_12/paper_6.pdf. (accessed 29 July 2025).
10. Karaoğuz E., Gürbüz E.S. (2021) The Political Economy of Turkey–Africa Relations. In: Tepeciklioğlu E.E., Tepeciklioğlu A.O. (eds.) (2021) *Turkey in Africa: A New Emerging Power?* Routledge. Chapter 5.
11. Kolesnikova M.A. (2024) Novye kontury turetskoy politiki v Afrike [New aspects of Turkish Policy in Africa]. *Vostochnaya analitika* [Eastern Analytics] 14(2): 80–86. DOI: 10.31696/2227-5568-2024-02-80-86. (In Russian).
12. Kostelyanets S.V. (2016) Turkey's Africa Policy: Looking for New Partners [Politika Turtsii na afrikanskom napravlenii: novye tendentsii v vybore partnerov]. *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa Today] (7): 30–35. Available at: https://asaf-today.ru/index.php?dispatch=selectel.getfile&object_id=30024&object_type=pdf. (accessed 29 July 2025). (In Russian).
13. Mustapha A.B. (2024) Türkiye–Alliance of Sahel States Relations: A Preliminary Appraisal. *Insight Turkey* 26(3): 203–221. DOI: 10.25253/99.2024263.12.
14. Nadzharov A.M., Entina E.G. (2023) Franco-Russian Great Power Rivalry in the Sahara-Sahel Region. *Russia in Global Affairs* 21(3): 181–204. DOI: 10.31278/1810-6374-2023-21-3-181-204.
15. Nadzharov A.M., Entina E.G. (2023) EU Approaches to Managing Migration Flows in the Sahel and Their Implications for the Region [Podkhody ES k upravleniyu migratsionnymi potokami v Sakhele i ikh posledstviya dlya regiona]. *Mezhdunarodnaya analitika* [Journal of International Analytics] 14(3): 74–92. DOI: 10.46272/2587-8476-2023-14-3-74-92. (In Russian).
16. Svistunova I.A. (2018) Turkey's Regional Policy: Strategy Towards African Countries [Regional'naya politika Turtsii: strategiya v otnoshenii stran Afriki]. *Problemy natsional'noy strategii* [Problems of National Strategy] (4): 67–80. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35548342>. (In Russian).
17. Siradağ A. (2018) Turkey-Africa Alliance: Evolving Patterns in Security Relations. *African Security Review* 27(3–4): 308–325. DOI: 10.1080/10246029.2018.1550429
18. Yagya V.S., Kolesnikova M.A. (2018) The Three Pillars of Turkish Policy in Africa ["Tri kita" turetskoy politiki v Afrike]. *Sravnitel'naya politika* [Comparative Politics Russia] 9(1): 37–59. DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-1-37-59. (In Russian).
19. Tepeciklioğlu E.E., Vreÿ F., Baser B. (2024) Introduction Turkey and Africa: Motivations, Challenges and Future Prospects. *Journal of Balkan and Near Eastern Studies* 26(3): 289–294. DOI: 10.1080/19448953.2023.2236514.